

СУББОТА 29 сентября 1975 года

архипелаг ХУАН-ФЕРНАНДЕС

Тихий океан

Огни Святого
Эльма

1

Однажды вечером 29 сентября 1759 года, около архипелага Хуан-Фернандес, что в шестистах километрах от берегов Чили, небо вдруг почернело. Экипаж «Виргинии» собрался на палубе, чтобы посмотреть на маленькие огоньки, вспыхивавшие на верхушках мачт и реях корабля. Это были огни святого Эльма, явление, вызванное атмосферным электричеством и предвещавшее жестокую бурю. К счастью, «Виргиния», на которой путешествовал Робинзон, могла не бояться самого страшного шторма. Это был голландский галиот, небольшой корабль с низкими мачтами, немного тяжелый и медлительный, но устойчивый в ненастье. Когда в тот вечер капитан ван Дейсел увидел, как один из парусов лопнул от порыва ветра, словно воздушный шарик, он тут же приказал команде убрать остальные и запереться внизу, пока буря не кончится. Единственное, чего стоило бояться, были рифы и песчаные отмели, но на карте они

не значились. Казалось, «Виргиния» могла и дальше идти сквозь грозу сотни километров, ничего не страшась.

В то время как капитан и Робинзон спокойно играли в карты, наверху ураган набирал силу. В середине XVIII века многие европейцы — особенно англичане — отправлялись в Америку, чтобы сколотить состояние. Робинзон оставил в Йорке жену и двоих детей, решив попутешествовать по Южной Америке и попробовать наладить выгодные торговые связи между своей страной и Чили. Несколькими неделями ранее «Виргиния» обогнула американский континент, смело преодолев ужасный мыс Горн. Теперь судно шло к Вальпараисо, где Робинзон собирался сойти на берег.

— Не думаете ли вы, что эта буря задержит наше прибытие в Чили? — спросил он у капитана, тасуя карты.

Капитан посмотрел на него с иронической улыбкой, поглаживая стакан с можжевельной, своим любимым напитком. У него было гораздо больше опыта, чем у Робинзона, и он часто подшучивал над нетерпеливостью молодого человека.

— Когда отправляешься в путешествие, подобное этому, — сказал он, выпуская облако дыма из трубки, — уезжаешь, когда захочешь, но прибываешь, когда захочет Бог.

Потом он открыл деревянный бочонок с табаком и погрузил туда свою длинную фарфоровую трубку.

— Так она не разобьется и заодно пропитается медовым табачным запахом, — объяснил он.

Капитан закрыл бочонок и лениво откинулся назад.

— Видите ли, — сказал он, — преимущество бури в том, что мы освобождаемся от любых забот. Против стихии ничего сделать невозможно. Вот мы ничего и не делаем. Отдаемся на волю судьбы.

В этот момент подвешенный на цепях фонарь, освещавший каюту, описал крутую дугу и разбился о потолок. Прежде чем наступила полная темнота, Робинзон успел увидеть, как капитана бросило головой вперед через стол. Робинзон поднялся и направился к двери. Из-за сквозняка он понял, что двери больше нет. Ужаснее всего было то, что после многодневной бортовой и килевой качки корабль стал вдруг абсолютно неподвижен. Видимо, он застрял на рифе или сел на мель. В слабом свете луны, пробивавшемся сквозь бегущие облака, Робинзон заметил на палубе людей, пытавшихся спустить на воду спасательную шлюпку. Он бросился к ним на помощь, и вдруг страшный удар потряс корабль. Почти сразу огромная волна обрушилась на палубу и смела все: и людей, и вещи.

2

Когда Робинзон пришел в себя, он лежал, уткнувшись лицом в песок. Волна накатила на мокрый берег и лизнула его ноги. Робинзон перевернулся на спину. Черные и белые чайки кружились в небе, снова голубом после бури. Робинзон с трудом сел и почувствовал сильную боль в левом плече. Пляж был усеян мертвыми рыбами, разбитыми раковинами и черными водорослями, выброшенными волнами. На западе выдавался в море каменный утес, а за ним — рифовая гряда. Там темнел силуэт «Виргинии» со сломанными мачтами и развевавшимися по ветру снастями.

Робинзон поднялся и сделал несколько шагов. Он не был серьезно ранен, но ушибленное плечо все еще болело. Солнце начинало припекать, и он сделал себе подобие шляпы из больших листьев, росших на побережье. Потом он взял крепкую палку и, опираясь на нее, направился к лесу.

Путь ему преграждали поваленные деревья, низкий кустарник и лианы, свисавшие с веток. Робинзону пришлось встать на четвереньки и так двигаться дальше. Вокруг было тихо, животные не показывались. Вдруг в сотне шагов впереди Робинзон заметил дикого козла с длинной шерстью.

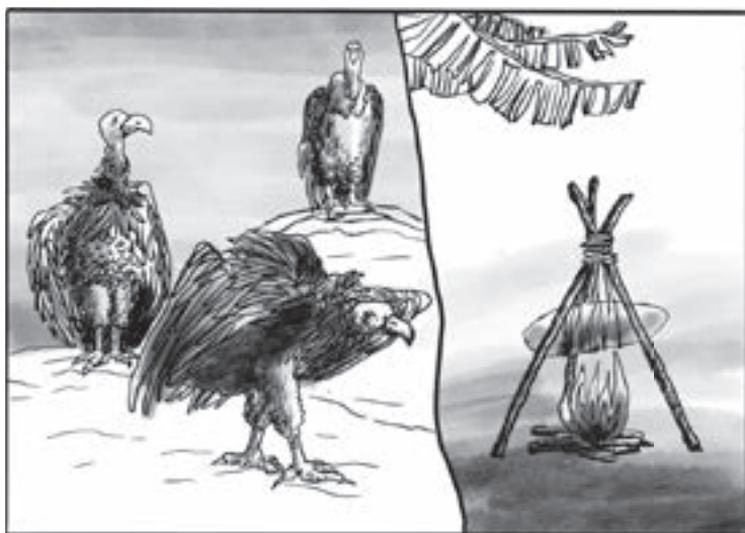
Животное было неподвижно, казалось, оно наблюдало за Робинзоном. Бросив свою палку, Робинзон вооружился суком потолще. Когда он еще немного приблизился к козлу, тот опустил голову и глухо всхрапнул. Робинзон испугался, что козел сейчас бросится на него. Он поднял дубину и ударил изо всех сил. У козла подогнулись ноги, и он повалился набок.

Через несколько часов Робинзон добрался до беспорядочного нагромождения скал. Там, под тенью гигантского кедра, он нашел вход в пещеру, но далеко забираться в нее не стал, потому что она показалась ему слишком глубокой. Робинзон решил исследовать ее позже. Он вскарабкался на самую высокую скалу, окинул взглядом окрестности и понял, что земля со всех сторон окружена морем и ничто в ней не выдает присутствия человека. Остров, похоже, был необитаем. Теперь Робинзону стало ясно, почему козел не испугался: у диких животных, никогда не сталкивавшихся с людьми, человек вызывает не страх, а любопытство.

Робинзон был удручен и разбит. Бродя у подножия скал, он нашел дикий ананас, разрезал его складным ножом и съел. Потом заполз в расщелину под скалой и уснул.

3

Поднявшись с первыми лучами солнца, Робинзон отправился вниз к берегу, на который его выбросило накануне. Он перепрыгивал с камня на камень и с бревна на бревно, с кочки на кочку и с корня на корень и делал это даже с некоторым удовольствием, потому что чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Вообще-то его положение было не так уж плохо. Остров оказался необитаемым, зато здесь не было каннибалов. Кроме того, он выглядел вполне приветливым: прекрасный песчаный берег на севере, влажные низины на востоке, большой лес на западе, а в центре — загадочная пещера и каменный массив, с вершины которого открывался прекрасный вид. Погруженный в свои мысли, Робинзон шел по вчерашней тропе, когда вдруг заметил убитого накануне козла. С полдюжины стервятников с лысыми шеями и крючковатыми клювами уже делили добычу. Робинзон отогнал их палкой; семена на кривых лапах, птицы неуклюже взлетели. Потом он взвалил на плечи то, что осталось от козла, и медленно пошел к берегу. Робинзон отрезал от туши кусок мяса и, подвесив на связанном из сучьев треножнике, поджарил его. Потрескивание пламени взбодрило его больше, чем жесткое зловонное мясо.

Он решил поддерживать огонь постоянно, чтобы сберечь огниво и заодно привлечь внимание какого-нибудь корабля, если тот вдруг будет проходить мимо острова. Впрочем едва ли что-то могло привлечь матросов больше, чем застрявший на рифах остров «Виргинии», — один ее вид сулил легкую добычу.

Робинзон решил как можно быстрее, пока новый шторм не унес все в море, спасти с корабля оружие, инструменты и провизию. Но он по-прежнему надеялся, что это ему не пригодится, поскольку, думалось ему, какое-нибудь судно вскоре